

А.В. Кротов, Д.Л. Лопатников

Позиции и перспективы России в постиндустриальном мире

A.V. Krotov, D.L. Lopatnikov

Positions and Prospects of Russia in the Post-industrial World

Статья посвящена вопросам постиндустриального развития мирового хозяйства и перспективам России. Описываются нематериальные блага как неотъемлемые характеристики современного «общества потребления». В работе говорится о правомерности применения термина «индустриальный придаток» стран Центра.

Показано, как происходит сдвиг от индустриального развития государства к постиндустриальному и какие наступают следствия. Приведены мнения известных отечественных специалистов по различным аспектам постиндустриального развития, рассматривающих более подробно отдельные нюансы современного международного географического разделения труда.

Анализируются возможности трансформации отраслевой структуры отечественного хозяйства в свете перехода к «экономике знаний» и основные сдерживающие факторы включения нашего государства в авангард мировой экономики. При этом приведены примеры успешного индустриального проекта Китая и возможности приобщения этого государства к элите наиболее развитых стран. В заключение анализируются экологические следствия современной специализации России на индустриальных производствах добывающего и обрабатывающих секторов и делаются неутешительные выводы.

Ключевые слова: постиндустриализм, Центр, полупериферия, глобализация, международное географическое разделение труда, развитие.

DOI 10.14258/izvasu(2014)3.1-28

Обзор литературы [1–8], где фигурирует тематика постиндустриализма, показывает, что существует самое разное, зачастую не совместимое друг с другом понимание рассматриваемого явления. Для адекватного восприятия данного феномена нужно отказаться от постулата приоритета материального производства для хозяйственного развития и удовлетворения потребностей человечества. Постиндустриализм в широком, философском смысле собственно и означает отказ от подобного видения общественного развития.

Как экономическая категория, нематериальные товары, в отличие от материализованных товаров,

The article is devoted to the questions of the world economy post-industrial development and the prospects of Russia. The non-material values as an integral characteristic of the modern «consumer society» are described. Validity of the application of the expression «industrial appendage» of the Center countries is discussed in the article.

It is shown how the shift from the state industrial development to the post-industrial goes on and what consequences come. The works of well-known native experts on the various aspects of the post-industrial development who dwelt in detail on some nuances of the modern international geographical division of labor were quoted.

The authors considered possibilities of the industrial structure transformation of domestic economy in the light of transition to "the knowledge economy" and highlighted the main limiting factors of our state inclusion to the vanguard of the world economy. Examples of the successful industrial project of China and possibility of this state inclusion to the elite of the most developed countries are given as well. In conclusion ecological consequences of the modern specialization of Russia on industrial productions of extracting and manufacturing sectors are analyzed, and unfavorable conclusions are drawn.

Key words: post-industrialism, center, semi-periphery, globalization, international geographical division of labor, development.

не осязаемы. Но в системе рыночных товарно-денежных отношений различия между материальными благами и услугами — «второй план». Не будет ошибкой считать услуги нематериальными благами. Часто они так и трактуются [9, с. 450]. Нематериальные блага продаются и покупаются, следовательно — они товары. Генерация нематериальных благ — это тоже производство. То есть нужно признать, что хозяйственная жизнь включает производство материальных и нематериальных товаров. Такие понятия, как «производящая экономика», «реальное производство», по своей экономической сути устарели и не-

пригодны для полного анализа современных глубоких постиндустриальных трансформаций в мировом хозяйстве. Но сделать это очень непросто и психологически, и технически. Психологически из-за инерционности мышления, даже научного. Технически — это потребует пересмотра большинства сложившихся схем отраслевой структуры хозяйства в экономической географии, в частности ее главных блоков (производственные и непроизводственные отрасли).

Новое время качественно меняет и систему потребления. Потребление нематериальных благ становится не менее значимым, чем потребление материальных товаров. Современное «общество потребления» не сводится только к обогащению материальными благами. Таковым оно видится из современной России, которая находится пока на начальной стадии постсоветского материального насыщения.

В зрелом обществе потребления сформированная потребность во всевозможных услугах не меньшая, чем в качественной еде, мебелированном доме и автомобиле. Это вполне соответствует известному закону немецкого экономиста Энгеля второй половины XIX в., согласно которому по мере роста благосостояния людей в семейном бюджете доля расходов на пропитание сокращается, а доля трат на услуги возрастает. Спрос рождает предложение. В результате перестраивается все хозяйство, опережающими темпами растет производство всевозможных услуг. Поэтому неудивительно, что бедный студент тратит в месяц, как минимум, не меньше денег на оплату разговоров по мобильному телефону, чем на хлеб. Таким образом, постиндустриализм меняет всю систему общественного потребления, что приводит к изменению первооснов традиционного хозяйствования.

В процессе развития постиндустриальных процессов на карте мира формируется новая модель международного разделения труда. Постиндустриальная модель географического разделения труда — следующий этап развития пространственной организации хозяйства и общества на всех уровнях территориальной иерархии. Она также требует новой «системы координат» для оценки уровня развития хозяйства и качества жизни людей.

Главный сдвиг, произошедший в мире с приходом постиндустриального времени, состоит в том, что на смену известной в экономической и социальной географии зарубежного мира типологии стран «развитые (богатые) индустриальные страны — промышленно менее развитые (в худшем варианте — «аграрные») и более бедные развивающиеся страны» приходит новая типология «развитые (богатые) постиндустриальные страны — менее развитые индустриальные (среднего достатка) и аграрные (бедные) страны». Меняется экономико-географическая суть спорного, но широко используемого понятия «придаток». В постиндустриальное время правомерно говорить

не только о «сырьевых придатках», но и об «индустриальных придатках» передовых стран. Мексиканские макиладорас, китайские фабрики и заводы, где шьют трикотаж, штампуют бытовую технику, «компьютерное железо» и мобильные телефоны для продажи по всему миру, по своей экономической роли в мировом хозяйстве принципиально не отличаются от нефтяных вышек Саудовской Аравии и России. И те и другие обслуживают прежде всего потребности высокоразвитых стран Центра с наиболее масштабным потребительским рынком.

Формирование постиндустриальной модели международного географического разделения труда в современном глобальном мире приводит к переоценке того, какие секторы и отрасли хозяйства дают в среднем наибольший экономический и социальный эффект и обеспечивают относительно более высокое качество жизни людей в государстве.

В процессе постиндустриализации мирового хозяйства происходит географическое смещение эпицентра массового промышленного производства. Масштабная индустриализация стран Третьего мира — один из наиболее значимых сдвигов на экономической карте планеты последних десятилетий. Он стал основой догоняющего развития традиционно отстающих территорий и в данный период может оцениваться как проявление их социально-экономического прогресса. Стремительный рост промышленного производства в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки позволил перейти жителям этих регионов на качественно более высокий уровень жизни. Здесь в целом решена продовольственная проблема, растут средние реальные доходы населения, увеличиваются размеры потребительского рынка. Вместе с тем индустриализация, какой бы она масштабной и успешной ни была, не способна реализовать концепцию догоняющего развития в соревновании с высокоразвитыми постиндустриальными странами. «Развитая индустриальная страна» — понятие XX, но никак не XXI в. Если в названных территориях промышленный рост продолжит быть мейнстримом развития, то это не приведет к сокращению их относительного социально-экономического отставания от передовых стран Центра мирового хозяйства, а закрепит их позиции как стран полупериферии.

Конечно, нельзя забывать, что речь идет о превалирующих формах хозяйственной жизни и их результатах. В XIX в., когда Россию называли отсталой аграрной страной, у нас были и заводы, и наука, и образование очень высокой пробы, для избранных. Поэтому, когда весь мир сегодня смотрит на Китай — космическую и ядерную державу, страну великой науки, культуры, высокого образовательного ценза почти полуторамиллиардного населения, создается впечатление, что современная индустриализация

страны — это именно тот путь, которому надо следовать и дальше, чтобы выйти на уровень авангардных стран. Полагаем, это неверно. Если Китай и дальше пойдет по пути догоняющего индустриального роста, он не станет частью Центра мирового хозяйства, а в лучшем случае будет лидером мировой полупериферии. Чтобы стать авангардной страной, Китаю придется конкурировать с США, Европой, Японией и другими высокоразвитыми постиндустриальными странами в сфере фундаментальной и прикладной науки, образования, туризма, телекоммуникаций и Интернета, шоу-бизнеса, на мировых финансовых рынках. У Китая большие амбиции и есть впечатляющие достижения, но пока их недостаточно, чтобы стать в обозримой перспективе страной Центра мирового хозяйства.

Постиндустриальная экономика — это «экономика знаний». Интеллектуальный потенциал в постиндустриальное время пространственно концентрируется в странах Центра. «Утечка мозгов» из постсоветской России — только одна из составляющих этого явления. Это общая проблема Латинской Америки, Азии и в последнее время Африки. Нарастание экономически значимого интеллектуального потенциала и сохранение мирового лидерства в сфере «генерации идей», лидерство в фундаментальной науке, творчестве, производство наиболее интеллектоемкой материализованной и нематериализованной продукции (в частности, патентов) и ее коммерциализация — одна из важнейших составных частей стратегии развития стран Центра на ближайшие десятилетия.

В рамках экономико-географического анализа важен пространственный охват идущих постиндустриальных процессов. Наступило ли постиндустриальное время в глобальном масштабе? Существуют различные мнения. В.Л. Иноземцев считает, что постиндустриальное общество относительно автономно и выражено только в странах Центра мирового хозяйства. Он пишет о том, сколь затруднительно для стран, находящихся на индустриальной стадии прогресса, стать полноправными участниками сообщества постиндустриальных держав. Не углубляясь в мотивацию этого скептицизма, а аргументы очень серьезные [4], нужно иметь в виду главное: скептицизм в отношении постиндустриального пути развития России означает скептицизм и в отношении того, что Россия вообще в будущем станет передовой страной. Вместе с этим постиндустриализация — естественный объективный процесс, так же как и индустриализация. Это значит, что России не избежать ее влияния ни внутри, ни извне, как не избежала влияния индустриализации мирового хозяйства ни одна африканская страна.

Положение России на современной политической карте мира можно обозначить несколькими краткими, но емкими характеристиками.

1. В международном географическом разделении труда Россия — страна полупериферии с «постсоциалистической спецификой».

2. У России на обозримую перспективу нет никаких возможностей принципиально изменить сложившийся экономический и геополитический миропорядок.

3. России никогда не стать второй Саудовской Аравией и Кувейтом по природно-географическим и социально-демографическим причинам. Остаться страной индустриальной полупериферии можно, но это не лучший путь.

Если согласиться с данными характеристиками, то можно сделать и важный вывод: единственно правильный путь развития России в обозримом будущем — вписаться в уже имеющийся геоэкономический миропорядок с наибольшими для себя выгодами. Но сделать это будет очень непросто.

Трансформации в отраслевой структуре хозяйства России говорят, с одной стороны, о планетарном масштабе постиндустриальных процессов, с другой — об усилении разрыва в степени востребованности ресурсов постиндустриального роста, и прежде всего интеллектуальных, в странах Центра и в России. В рамках постиндустриального международного географического разделения труда для России складывается драматическая ситуация. Она состоит в том, что по мере развития постиндустриальных процессов в мире востребованность интеллектуальных ресурсов в развитых странах Центра будет и дальше возрастать, тогда как в России — падать. При подобном тренде Россия вполне сможет плавно, без особых экономических и политических потрясений уйти на мировую периферию. При этом сценарии интеграция в мирохозяйственные связи, даже при столь необходимом для страны вступлении в ВТО, кардинально ничего не изменит, а, возможно, закрепит сырьевую ориентацию России.

Существуют факторы, которые увеличивают вероятность подобного сценария развития нашей страны.

1. Инерционный менталитет, когда для большинства, как и в советский период, главный символ прогресса — это могучие заводы и фабрики. Ставка на подъем отраслей обрабатывающей промышленности, конечно, более предпочтительна, чем на нефтегазовый комплекс. Но преобладающая неконкурентоспособность отечественной готовой продукции породит новый напор протекционизма, который в специфических российских условиях рискует из нередко плодотворной тактики превратиться в стойкую государственную стратегию с неизбежным усугублением общего технологического отставания страны. Даже если мы сможем возродить советскую индустрию и при этом вписаться в мировые экономические связи, сделав отечественную продукцию конкурентоспособной, хотя бы на внутреннем рынке,

в XXI в. Россия будет находиться в одной группе стран с Мексикой, Бразилией, Индией и Китаем. Опыт «азиатских тигров» свидетельствует о том, что форсированная индустриализация даже на базе новейших технологий и налаживание массового производства самой передовой индустриальной продукции не обеспечивают ни стабильного экономического роста, ни качества жизни на уровне развитых стран.

2. Упорное непонимание или сознательное игнорирование того, что сфера нематериального производства (третичный сектор) — такой же реальный сектор экономики, как сельское хозяйство и промышленность, стало, по-видимому, закономерным продолжением советского мышления в стране, серьезно отставшей от новых мировых экономических реалий. Например, в курсах по экономической и социальной географии России основное внимание уделяется размещению промышленности и сельского хозяйства, при этом упускается, что третичный и появляющийся четвертичный секторы дают в нашей стране самую существенную часть валового внутреннего продукта.

3. Теория постиндустриального общества в целом остается чуждой широкой российской научной общественности, что свидетельствует о том, что страна рискует потерять шанс быстрого «догоняющего» развития. Слишком сильно влияние сторонников дальнейшего пространственного освоения восточных и северных регионов страны, когда основные инвестиции, которые идут прежде всего в транспорт и инфраструктуру индустриального уклада, вкладываются в географически удаленные территории. Тем самым обескровливаются капиталом- и интеллектуальноемкие непродуцирующие секторы.

4. К сожалению, на современной геополитической карте мира у нас, в отличие от советского времени, практически нет явных союзников (за исключением нескольких стран бывшего Советского Союза).

Важно сказать и об экологических аспектах данной проблематики. Экологические последствия продолжения развития экономики России на базе эксплуатации природных ресурсов будут тяжелыми. Особенно они ударят по монопрофильным городам-заложенникам с «базовой» специализацией, где население как не имело, так и не будет иметь альтернативы в поисках заработка. Решать экологические проблемы Россия сможет только с помощью стран-покупателей, которые, естественно, не будут заинтересованы в общем подъеме экологических притязаний населения, а низкое качество жизни в далекой России прагматически их будет устраивать. Рефлексии, возникающие время от времени на почве западного гуманизма, из-

менить общую картину не смогут. Вялотекущие процессы постиндустриализации слабо повлияют на общую экологическую обстановку в стране.

В условиях глобализации мировой экономической системы, по-видимому, будут происходить экологически крайне противоречивые процессы, в основу которых лягут экономические интересы. Все это приведет как к экологическому, так и к антиэкологическому лоббированию со стороны заинтересованных субъектов мирохозяйственных связей, в зависимости от того, каким путем лоббирование будет приносить прибыль.

Если в ближайшие десятилетия развитый мир географически стабилизируется и будет самодостаточен, т.е. в определенной степени самоизолируется от окружающего индустриального и аграрного отсталого мира, то экологические последствия постиндустриализма для России будут отрицательными. При таком сценарии постиндустриализация на Западе может стать одним из факторов закрепления России на индустриальной полупериферии. Здесь могут сойтись интересы Запада и отечественных традиционалистов, ратующих за мощное индустриальное государство. Страны Запада будут заинтересованы, развивая у себя наиболее авангардные отрасли, сбросить по возможности свою «грязь» в необъятную и непритязательную Россию, начиная от стимулирования своими заказами приоритетного развития традиционных перерабатывающих отраслей «на месте» (черной и цветной металлургии) и заканчивая вывозом ядерных и химических отходов.

Если постиндустриальные тенденции будут более активно распространяться по всему миру и развитые страны не смогут отгородиться от остальных стран, что более вероятно, то внешнее и внутреннее влияния постиндустриализма на экологические процессы в России будут сложнее и двойственнее. Транснациональные корпорации, работающие в сфере высоких технологий, и мировая туриндустрия могут способствовать положительному развитию «чистых» технологий. Они примут действенное участие в развитии постиндустриальных «полюсов роста».

Постиндустриализация будет оказывать влияние на экологическую обстановку в России не только изнутри, но и извне. При этом, чем медленнее этот процесс пойдет в России, тем относительный «вес» постиндустриализма как внешнего фактора будет выше. При пессимистическом сценарии развития России она не станет весомым субъектом постиндустриального мира, но будет одним из ключевых объектов его влияния.

Библиографический список

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования : пер. с англ. — М., 1999.
2. География мирового хозяйства / под ред. Н.С. Мироненко. — М., 2012.
3. Горкин А.П. Уровень постиндустриальности стран мира (концепции и оценки) // Известия РАН. Серия географ. — 2007. — №2.
4. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М., 2000.
5. Лопатников Д.Л. Проблемы и перспективы экологической оптимизации территории России в свете постиндустриальных тенденций // Территориальная организация общества и управление в регионах : сб. ст. — Воронеж, 2012.
6. Мильнер Б. Управление интеллектуальными ресурсами // Вопросы экономики. — 2008. — №7.
7. Социально-экономическая география: понятия и термины / отв. ред. А.П. Горкин. — Смоленск, 2013.
8. Хорос В.Г. Постиндустриальный мир — надежды и опасения (к постановке проблемы) // МЭМО. — 1998. — №12.
9. Словарь современной экономической теории Макмиллена. — М., 1997.